

The background is a painting of a room. In the foreground, a grey dog bed sits on a wooden floor, containing a brown leather collar and a silver metal bowl. A yellow bone lies on the floor near the bottom right. In the background, a large window shows two boys looking out at autumn trees. A woman in a dark dress stands by a piano in the distance. The title text is overlaid on the painting.

Александр Гарцев
**Прости меня,
Рекс.**

18+

Александр Гарцев

Прости меня, Рекс

<https://litres.ru/74493059>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга известного сетевого писателя Александра Гарцева «Прости меня, Рекс» — психологический роман о любви, страхе и предательстве, написанный в традициях чеховской прозы и тургеневских новелл.

Это роман о том, что иногда не бывает хороших решений. Только плохие и очень плохие.

О том, что грань между защитой и насилием тоньше, чем кажется.

О том, что предательство не всегда выглядит как злодейство — иногда оно приходит в обличье заботы.

И о том, что прощение — это не то, что ты заслуживаешь. Это то, что тебе дарят. Даже когда ты не просишь.

«Прости меня, Рекс» — это история о вине, которая остаётся навсегда.

О памяти, которая не отпускает.

О любви, которая сильнее страха.

И о собаке, которая умела прощать так, как не умеют люди.

Содержание

Глава 1	4
ГЛАВА 2. УТРО В ДОМЕ ВЕРЕСАЕВЫХ	15
ГЛАВА 3. РЕКС	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Гарцев

Прости меня, Рекс

Глава 1

. ЗНАКОМСТВО С НАШИМИ ГЕРОЯМИ

Аркадию Платоновичу Вересаеву, одному из главных героев нашей истории 38 лет. Он работает в частной клинике «Гиппократ», кандидат медицинских наук, врач-терапевт.

Высокий, сухощавый, с ранней сединой на висках. Всегда безупречно выбрит, ногти подстрижены ровно, руки пахнут антисептиком.

Носит очки в тонкой золотой оправе, которые постоянно протирает специальной салфеткой из микроволокна. Одежда всегда отглажена, рубашки — только светлых тонов, чтобы легче было заметить пятно.

Походка пружинистая, но в последнее время появилась какая-то шаркающая усталость. Глаза серо-голубые, внимательные, но в них читается постоянное напряжение, словно он всё время сканирует пространство на предмет угрозы.

Аркадий родился в семье военного хирурга и учительницы биологии. Отец, Платон Аркадьевич, был человеком жёстким, требовательным, помешанным на стерильности.

В доме Вересаевых никогда не было домашних животных

— «источник грязи и инфекций».

Мать, Нина Сергеевна, тихая, забитая женщина, всю жизнь страдала от навязчивых состояний, но не могла противостоять мужу.

Маленький Аркадий рос в атмосфере постоянного страха. страх запачкаться, страх заболеть, страх не соответствовать отцу.

В семь лет он случайно принёс в дом уличного котёнка — отец заставил его самого утопить животное в ведре, а потом три часа отмывать руки в хлорке.

Этот эпизод стал ядром его будущей фобии и источником пожизненной вины.

Но медицинский университет Аркадий закончил с отличием. Женился на однокурснице, но брак распался через два года — жена не выдержала его контроля.

Второй брак с Мариной казался спасением: она приняла его правила, подчинилась его ритуалам. Дети — долгожданные, но их появление усилило тревожность: он видит в них хрупкие сосуды, которые могут быть заражены в любой момент.

Характер: Аркадий интеллектуален, начитан, способен к глубокой рефлексии — но только когда речь не идёт о его фобиях.

В моменты спокойствия — добрый, ироничный, любящий отец. В моменты тревоги — тиран, не терпящий возражений.

Его жестокость — не злая воля, а результат парализующе-

го страха. Он искренне уверен, что защищает семью.

Его трагедия в том, что он не способен увидеть, как его защита превращается в насилие.

В постоянно живет страх заражения, страх потерять контроль, страх стать своим отцом — и одновременно бессознательное повторение его модели. Глубинная потребность в любви и принятии, задавленная ритуалами.

Перед лицом болезни Рекса он впервые сталкивается с ситуацией, которую невозможно контролировать мытьём рук.

Конечно же, Аркадий говорит правильно, литературно, иногда с медицинскими терминами, которые использует как щит. В моменты тревоги — быстрые, рубленые фразы, повторяющиеся вопросы: «Ты мыл руки? Ты точно мыл?».

В моменты нежности — тихий, почти шёпот, словно боится спугнуть что-то хрупкое. Любит цитировать Чехова: «В человеке всё должно быть прекрасно...» — но в его устах это звучит как приговор.

Его жена, Марина Андреевна Вересаева, тридцати шести лет, преподаватель фортепиано в музыкальной школе, в прошлом — подающая надежды пианистка

Среднего роста, с мягкими, округлыми формами. Волосы тёмно-русые, часто собраны в небрежный пучок. Глаза карие, тёплые, но с постоянной тенью усталости. Носит простые платья и кардиганы, почти не пользуется косметикой. На левой руке — тонкое обручальное кольцо и след от снятого когда-то давно кольца с камнем. Руки пианистки — силь-

ные, с длинными пальцами, но ногти коротко подстрижены: Аркадий не выносит «рассадников грязи».

Марина родилась в интеллигентной семье: отец — инженер, мать — библиотекарь. В детстве мечтала о консерватории, но после смерти отца пришлось бросить учёбу и пойти работать. Вышла замуж за Аркадия в двадцать четыре, увидев в нём надёжность и ум. Первые годы были счастливыми: он казался ей рыцарем, защищающим от хаоса мира.

Постепенно его ритуалы стали её тюрьмой. Она научилась молчать, не спорить, мыть руки по двадцать раз, если он смотрит. Дети стали её отдушиной и её болью: она видит, как Аркадий передаёт им свою тревогу.

Марина — единственная, кто по-настоящему любит Рекса. Она тайно нарушает правила: гладит его, когда муж не видит, позволяет ему спать на кухне, а не в прихожей. Рекс — её молчаливый союзник, существо, которое не требует от неё соответствия стандартам, просто любит.

Тихая, терпеливая, склонная к самопожертвованию. Внешне покорная, внутри — с тлеющим огнём. Она давно перестала мечтать о другой жизни, но не перестала чувствовать. Её сила — в способности любить вопреки всему. Её слабость — в неспособности защитить то, что любит. Она винит себя за то, что не смогла остановить Аркадия, но не знает, как это сделать, не разрушив семью.

Марина стремится сохранить мир в семье любой ценой. Защитить детей от гнева отца. Не потерять себя окончательно.

но. В глубине души — надежда, что Аркадий когда-нибудь «прозреет». Перед лицом болезни Рекса она проходит путь от надежды на исцеление до смирения перед решением мужа. Она не борется — потому что бороться означает разрушить всё.

У нее мягкий, певучий голос. Часто говорит полунамёками, недосказанностями. В моменты стресса — замолкает. Её молчание красноречивее слов. Когда играет на фортепиано, словно разговаривает с инструментом: Шопен, Шуман, Брамс — её язык.

Она союзник и жертва одновременно. Она — совесть семьи, но её голос слишком тих. Её дуга — от пассивного принятия до тихого горя, которое изменит её навсегда. Она останется с Аркадием, но между ними вырастет стена, которую не сломать.

Кирилл Вересаев, 12 лет, ученик шестого класса, увлекается биологией и рисованием.

Худой, длинноногий, с вечно растрёпанными тёмными волосами. Глаза матери — тёплые, карие, но в них уже появилась настороженность. Носит очки, потому что много читает. Одежда — вечно на размер больше: Аркадий покупает «на вырост», чтобы «экономить и не плодить лишние вещи». На левом запястье — тонкий шрам от ожога: в семь лет случайно пролил чай, и отец заставил обрабатывать рану самому, «чтобы знал, как это бывает».

Первенец. Родился, когда Аркадий и Марина ещё вери-

ли, что смогут построить идеальную семью. С раннего детства — объект отцовского контроля: температура, чистота, режим дня. Кирилл научился быть незаметным, чтобы не провоцировать отца. Но втайне он бунтует: читает книги о животных, рисует собак и волков, мечтает стать ветеринаром. Рекс — его лучший друг, существо, с которым он может быть самим собой. Он единственный, кто не боится Рекса, даже когда тот рычит. Кирилл понимает собаку лучше, чем людей.

Замкнутый, наблюдательный, склонный к мечтательности. Внешне послушный, внутри — бунтарь. Он ненавидит отца, но боится себе в этом признаться. Он любит мать, но видит её слабость. Его боль — в невозможности защитить Рекса. Он тайно копит деньги, чтобы однажды... он сам не знает, что «однажды».

Стремится защитить Рекса. Не стать таким, как отец. Сохранить хоть какую-то свободу. В глубине души — надежда, что взрослые одумаются.

Говорит мало, но метко. Часто отвечает вопросом на вопрос. В моменты волнения — заикается. С Рексом говорит шёпотом, на особом языке — почти телепатически.

Наблюдатель и немой свидетель. Его глазами мы видим трагедию. Его путь в истории — от детской веры в справедливость до горького взросления. Он запомнит всё. И, возможно, когда-нибудь напишет об этом.

Тима Вересаев, ученик первого класса, любит констру-

торы и мультфильмы

Пухлый, румяный, с вечно сбитыми коленками. Волосы светлые, как у отца. Глаза — серо-голубые, отцовские, но в них нет той тревоги: пока нет. Носит очки, потому что «наследственность». Одежда — всегда чистая, потому что Аркадий проверяет. На шее — шнурок с ключом от дома, который он теряет минимум раз в неделю.

Второй сын. Родился, когда Аркадий уже был «сформированным» — то есть, когда его ритуалы стали нормой. Тима не знает другой жизни. Он считает, что мыть руки двадцать раз — это нормально. Он боится микробов, потому что «папа знает». Он любит Рекса, но боится его трогать без разрешения. Тима — жертва, которая ещё не понимает, что она жертва. Его психика пластична: он может стать либо вторым Аркадием, либо, если повезёт, вырваться.

Жизнерадостный, наивный, доверчивый. Любит всех. Верит, что «папа просто заботится». Его мир прост: мультики, сладости, Рекс. Он не понимает, почему Кирилл злится на отца. Он хочет, чтобы все были счастливы.

Стремится быть хорошим. Радовать папу. Играть с Рексом. В глубине души — страх, что если он будет «плохим», его разлюбят.

Быстрый, захлёбывающийся от восторга. Часто перебивает. Любит придумывать слова: «микробцы», «лишайчик», «собаченька».

Невинный свидетель. Его присутствие делает ставку ещё

выше: он — та «жизнь», которую защищает Аркадий. Но он же — тот, кто больше всех страдает от потери Рекса. Его дуга — от безоблачного детства к первому большому горю.

Рекс, шести лет, Беспородный, среднего размера, рыжевато-коричневая шерсть с белой грудкой.

Обычная дворняга, но с удивительно выразительными глазами — карими, умными, преданными. Уши стоячие, одно чуть надломлено. Хвост пушистый, всегда виляет. На лбу — розовое пятно лишая, которое растёт с каждым днём. Шерсть тускнеет, но глаза остаются ясными.

Появился в семье пять лет назад. Марина нашла его на улице — щенок, дрожащий от холода, с перебитой лапой. Принесла домой, выходила. Аркадий был против, но сдался — при условии, что собака «не будет мешать». Рекс выучил правила: не заходить в комнаты, не лаять без причины, не пачкать. Но он остался собой: ласковым, игривым, преданным. Он любит всех, но особенно — Марину и Кирилла. Аркадий для него — источник стресса: он чувствует его тревогу, его неприязнь. Рекс не понимает, почему этот человек играет с ним так жёстко, почему не моет лапы после прогулки. Но он всё равно виляет хвостом. Потому что собаки умеют прощать.

Преданный, терпеливый, игривый. Есть характер: на прогулке обязательно надо «пролаяться» — облаять всех, кто проходит мимо. Дома — тихий, ласковый. Он чувствует настроение людей: когда Аркадий в тревоге, Рекс прячется под

книжный шкаф. Когда Марина грустит, Рекс кладёт голову ей на колени. Он — эмпат, как все собаки.

Мечта Рекса - любить. Быть рядом. Выжить.

Собачий язык: лай, скулёж, вздохи, виляние хвостом. Но в романе его «голос» передаётся через восприятие других персонажей — через глаза, через жесты, через молчаливый диалог.

Рекс - центральный символ нашей истории. Он — не просто собака. Он — совесть семьи, зеркало, в котором отражаются все: любовь Марины, страх Аркадия, надежда Кирилла, невинность Тимы.

Виктор Львович Гроссман, 62 года, ветеринар с сорокалетним стажем, владелец клиники «Добрый доктор»

Грузный, с седой бородой и добрыми глазами. Носит старый свитер и джинсы, на которых всегда шерсть животных. Руки — большие, тёплые, с мозолями. Он пахнет собакой, кофе и табаком.

Старый друг семьи Вересаевых. Когда-то лечил ещё кота родителей Аркадия. Видел, как Аркадий рос, как становился «зацикленным». Единственный, кто может сказать Аркадию правду в лицо — и остаться другом. Он лечит Рекса, но понимает: болезнь не только в коже, но и в семье. Он — голос разума, но его голос тонет в страхе.

Циничный, добрый, мудрый. Не любит сантиментов, но способен на глубокое сострадание. Курит трубку, пьёт крепкий чай, говорит медленно, с паузами.

Низкий, рокочущий голос. Любит присказки: «Собака — она всё понимает, только сказать не может». «Человек собака — бог, а бог должен быть милосердным».

Наставник. Он даёт Аркадию шанс — но не может заставить его им воспользоваться. Он — тот, кто произносит вслух то, что Аркадий боится признать: «Ты не за семью боишься, Аркаша. Ты боишься за себя».

Людмила Петровна Соколова, 45 лет, дерматолог, коллега Аркадия

Строгая, подтянутая, с короткой стрижкой и острым взглядом. Носит белый халат как броню.

Работает с Аркадием пять лет. Уважает его как профессионала, но видит его слабости. Когда Аркадий приносит ей анализы Рекса, она честно говорит: «Это не лечится быстро. Но это не смертельно. Для собаки. Для детей — риск есть, но минимальный». Она — та, кто даёт Аркадию «научное обоснование» для решения. Но она же — та, кто говорит: «Ты уверен, что дело в лишае?»

Прямолинейная, рациональная, но не жестокая. Она видит больше, чем говорит.

Чёткая, быстрая, с медицинскими терминами без снобизма.

Она даёт информацию, которая подталкивает Аркадия к решению. Но она же — та, кто сомневается в его мотивах.

Анна Сергеевна Морозова, 28 лет, медсестра в клинике Аркадия

Миловидная, с рыжими волосами и веснушками. Носит яркие кофточки под халатом.

Работает с Аркадием три года. Тайно влюблена в него. Видит его тревогу, его одиночество. Она — та, кто мог бы стать «другим путём» для Аркадия, но он не замечает её. Она — та, кто случайно произносит фразу, которая запускает его галлюцинации: «Аркадий Платонович, вы так боитесь грязи, а сами себя загнали в грязь».

Эмоциональная, открытая, но не навязчивая. Она — тень надежды в жизни Аркадия.

Мягкая, с лёгким южным акцентом. Часто использует уменьшительно-ласкательные формы: «Рексушка», «деточки».

Она как Зеркало. Она отражает то, что Аркадий мог бы иметь, но не ценит. Её присутствие усиливает чувство вины.

Итак, мы познакомились со всеми нашими героями.

Начинаем.

ГЛАВА 2. УТРО В ДОМЕ ВЕРЕСАЕВЫХ

Будильник не звонил. Аркадий Платонович Вересаев никогда не пользовался будильником. Он просыпался сам — ровно в шесть двадцать три, за семь минут до того, как старые настенные часы в гостиной, доставшиеся ещё от деда, начинали свой хриплый, скрипучий бой. Эти семь минут он лежал неподвижно, глядя в потолок, и слушал. Слушал, как дышит Марина — ровно, глубоко, с едва уловимым присвистом на выдохе. Слушал, как за стеной, в детской, ворочается Кирилл — скрип кровати, шелест страниц. Слушал, как Тима бормочет что-то во сне — что-то про дракона и мороженое. Слушал, как в прихожей, свернувшись на своей подстилке, вздыхает Рекс — тяжело, по-стариковски, хотя ему всего шесть лет.

Он слушал свой дом. Проверял. Всё ли на своих местах. Все ли живы. Все ли здоровы. Все ли — чистые.

В шесть тридцать он встал. Медленно, чтобы не скрипнула кровать. Ноги коснулись пола — холодного, паркетного, с едва заметными щелями между половицами. Он знал эти щели. Знал каждую. Знал, где скапливается пыль. Знал, что Марина подметает каждое утро, но пыль всё равно возвращается. Пыль всегда возвращается.

Он прошёл в ванную. Включил свет — лампы дневного света, холодные, белые, безжалостные. Открыл кран. Вода потекла — сначала ржавая, потом прозрачная. Он подождал. Всегда ждал. Считал до десяти. Потом намылил руки. Жидкое мыло без запаха, антибактериальное, в дозаторе. Он не доверял кусковому мылу — на нём остаются микробы. Он не доверял полотенцам — их надо менять каждый день. Он не доверял... он не доверял.

Он начал считать. Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Восемь. Девять. Десять. Одиннадцать. Двенадцать. Тринадцать. Четырнадцать. Пятнадцать. Шестнадцать. Семнадцать. Восемнадцать. Девятнадцать. Двадцать. Двадцать один. Двадцать два. Двадцать три.

Двадцать три. Он остановился. Посмотрел на руки. Чистые. Красные — от воды и мыла. Кожа сухая, потрескавшаяся на костяшках. Он насухо вытер руки бумажным полотенцем — одноразовым, из рулона, который он менял каждые два дня. Бросил бумажку в мусорное ведро. Посмотрел в зеркало.

Из зеркала смотрел человек. Сорок лет — хотя ему было тридцать восемь, но выглядел он старше. Седые виски. Усталые глаза. Плотно сжатые губы. Он смотрел на себя и не узнавал. Кто этот человек? Что он делает? Зачем?

Он моргнул. Отражение моргнуло в ответ. Он наклонился ближе. Прищурился. На мгновение — всего на мгновение — ему показалось, что в зеркале не он. Что в зеркале — отец.

Платон Аркадьевич. С его тяжёлым взглядом, с его презрительной складкой у рта, с его руками — большими, сильными, руками хирурга, которые никогда не дрожали.

— Ты знаешь, что делать, — прошептало отражение.

Аркадий отшатнулся. Сердце забилося чаще. Он схватился за край раковины. Посмотрел снова. В зеркале — он. Только он. Усталый, напуганный, одинокий.

Он выключил свет. Вышел из ванной.

В коридоре он остановился. Проверил. Все ли вещи на своих местах. Обувь — ровно, носки вправо. Куртки на вешалке — по сезону, не помятые. Зонт — в подставке. Ключи — на крючке. Он проверил каждый крючок. Каждую полку. Каждый угол. Всё было на месте. Всё было правильно.

Он подошёл к двери в детскую. Приоткрыл. Тихо, без скрипа. Заглянул.

Кирилл не спал. Он лежал под одеялом, с фонариком, и читал. Книга — большая, с картинками. Волки. Аркадий видел обложку. Он знал эту книгу. Сам купил её Кириллу на день рождения. Тогда ему казалось, что это хорошая идея. Теперь он не был уверен.

Кирилл почувствовал взгляд. Поднял голову. Посмотрел на отца. В его глазах — не страх. Что-то другое. Что-то твёрдое. Что-то, что Аркадий не мог назвать.

— Ты почему не спишь? — спросил Аркадий шёпотом.

— Читаю.

— Свет мешает Тиму.

— Он не мешает. Он спит.

Аркадий посмотрел на Тиму. Младший сын спал, свернувшись калачиком, подложив ладонь под щеку. Рядом с ним, прямо на кровати, лежал Рекс. Рыжевато-коричневый, с белой грудкой. Он поднял голову, когда Аркадий вошёл. Посмотрел на него. Вильнул хвостом — один раз, неуверенно.

Аркадий замер.

Он не злился. Он не чувствовал привычного раздражения — «собака в детской, шерсть на постели, микробы». Он просто стоял и смотрел. На Рекса. На Тиму. На то, как они спали рядом — собака и ребёнок, — и как это было... правильно. Как это было естественно.

Он вспомнил. Себя. Маленького. Семь лет. Котёнок. Уличный. Он принёс его домой, завернув в куртку. Котёнок дрожал. Он был тёплый. Он был живой. Он был...

— Убери, — сказал отец. — Немедленно.

— Папа, он...

— Я сказал, убери.

Он не убрал. Он спрятал котёнка в сарае. Кормил его тайком. Приходил к нему каждый день. А потом отец узнал. И заставил. Ведро с водой. Холодной. Ледяной. Котёнок барахтался. Кричал. А он держал. Держал, пока не стало тихо.

Потом отец заставил его мыть руки. Три часа. В хлорке. Кожа слезла. Он плакал. Отец смотрел. Молча.

— Пап? — голос Кирилла вырвал его из воспоминаний.

Аркадий моргнул. Посмотрел на сына. На Рекса. На Тиму.

— Рекс, — сказал он. Голос был хриплый. — Ко мне.

Рекс посмотрел на него. Потом на Тиму. Потом снова на Аркадия. Не двинулся.

— Рекс. Ко мне.

Собака вздохнула — тяжело, обречённо — и спрыгнула с кровати. Подошла к Аркадию. Села у ног. Посмотрела снизу вверх. В её глазах — доверие. Полное. Безоговорочное.

Аркадий взял её за ошейник. Мягко. Не дёрнул. Просто взял. И вывел из комнаты.

В коридоре он остановился. Посмотрел на Рекса. Тот виновато вильнул хвостом. Прижал уши.

— Ты не виноват, — сказал Аркадий. Тихо. Так тихо, что сам едва слышал.

Он отвёл Рекса в прихожую. На подстилку. Рекс лёг. Положил голову на лапы. Вздохнул.

Аркадий вернулся в коридор. Остановился у кухонной двери. Марина стояла у плиты. Она видела всё. Он знал. Она всегда видела всё.

Она ничего не сказала. Просто стояла. Смотрела на кашу. Помешивала.

Аркадий прошёл в спальню. Начал одеваться. Рубашка — светлая, глаженная. Брюки — тёмные, с ровными стрелками. Носки — серые, без рисунка. Он одевался медленно. Аккуратно. Проверял каждую складку. Каждую пуговицу.

Потом вернулся в кухню. Марина уже накрыла на стол. Каша. Чай. Хлеб. Всё просто. Всё чисто.

— Дети, — сказал Аркадий. — Завтракать.

Кирилл вышел первым. Одетый. Собранный. Он сел за стол. Посмотрел на кашу. Не взял ложку.

— Ешь.

— Не хочу.

— Кирилл.

— Я не хочу.

Аркадий вздохнул. Посмотрел на Марину. Она пожала плечами — «я не знаю, что с ним делать». Он посмотрел на Кирилла. Тот смотрел в сторону. В глазах — упрямство. Камень.

— Ешь, — сказал Аркадий. — Пожалуйста.

Кирилл посмотрел на него. Долго. Потом взял ложку. Начал есть. Медленно. Демонстративно.

Тима выбежал вприпрыжку. Сонный, растрёпанный. Улыбнулся:

— Доброе утро!

— Доброе, — сказал Аркадий. — Мой руки.

Тима убежал. Вернулся. Сел за стол. Схватил ложку.

— Стой.

Тима замер.

— Ты мыл руки?

— Мыл.

— Как?

— С мылом.

— Сколько раз?

— Много.

— Сколько?

Тима задумался. Посмотрел на свои ладони.

— Пять? — неуверенно.

— Пять — недостаточно. Иди перемой. И считай. Двадцать три раза. Как я учил.

Тима вздохнул. Пошёл. Аркадий слышал, как в ванной шумит вода. Слышал, как Тима считает — громко, старательно: «Раз, два, три...»

Кирилл смотрел на отца. Молча. С тем же выражением. Камень.

Марина поставила на стол чашку. Села. Взяла свою ложку. Начала есть. Молча.

Тима вернулся. Сел. Начал есть. Быстро, жадно. Каша капала на стол. Аркадий хотел сказать что-то. Но не сказал.

Рекс сидел под столом. Ждал. Тима уронил кусочек. Рекс подобрал. Никто не заметил. Кроме Кирилла. Он улыбнулся — уголком рта. Едва заметно.

Аркадий допил чай. Посмотрел на часы. Пора.

— Я пошёл, — сказал он. Встал. Взял портфель. Подошёл к Кириллу. Хотел потрепать по голове. Но не стал. Просто сказал:

— Веди себя хорошо.

Кирилл кивнул. Не поднял глаз.

Аркадий подошёл к Марине. Наклонился. Хотел поцеловать в щёку. Но замер. Посмотрел на её лицо. Усталое. Кра-

сивое. Чужое.

— До вечера, — сказал он.

— До вечера, — ответила она.

Он вышел в прихожую. Обулся. Взял зонт — на всякий случай, хотя небо было ясное. Посмотрел на Рекса. Тот поднял голову. Вильнул хвостом. Один раз. Тихо.

— Лежать, — сказал Аркадий.

Рекс лёг.

Аркадий вышел. Закрыв дверь. Замок щёлкнул. Два оборота.

Он постоял на площадке. Прислушался. За дверью — тишина. Потом — голос Марины:

— Кирилл, не надо.

Молчание.

— Я сказал — не надо.

— Он не имеет права.

— Кирилл.

— Он не имеет права так с ним.

Аркадий прижался к двери. Слушал.

— Он не сделал ничего плохого. Он просто спал. С Тимой.

Он...

— Кирилл, прекрати.

— Я не прекращу. Я...

Голос сорвался. Плач. Тихий. Мальчишеский.

Аркадий стоял. Рука на двери. Пальцы побелели. Он хотел открыть. Вернуться. Обнять. Сказать: «Прости». Но не

мог. Не умел.

Он отпустил дверь. Пошёл вниз по лестнице. Медленно. Ступенька за ступенькой. Внизу — дверь. Улица. Осень. Холод.

Он вышел на улицу. Вдохнул. Воздух был сырой. Пахло листьями. Мокрым асфальтом. Собакой.

Собакой.

Он обернулся. Рекс сидел у окна. На подоконнике. В прихожей. Смотрел на него. Вилял хвостом.

Аркадий отвернулся. Пошёл. Не оглядываясь.

За его спиной, в окне третьего этажа, Рекс смотрел, как хозяин уходит. Как всегда. Каждое утро. Рекс ждал. Каждое утро. Рекс надеялся. Каждое утро. Рекс вилял хвостом.

А потом, когда Аркадий скрылся за углом, Рекс прыгнул с подоконника. Побежал в детскую. Прыгнул на кровать к Тиму. Тот обнял его. Засмеялся.

Кирилл стоял в дверях. Смотрел на них. Потом сказал: — Он вернётся. Вечером.

Рекс поднял голову. Посмотрел на Кирилла. Вильнул хвостом.

— А пока — мы свободны.

Кирилл улыбнулся. Рекс лизнул Тиму в нос. Тима захохотал. Марина из кухни крикнула:

— Тише вы! Соседей разбудите!

Но она тоже улыбалась. Впервые за утро. Впервые за долгое время.

А за окном — осень. Мокрые листья. Серое небо. И тишина. Тишина, которая бывает только в доме, где только что закрылась дверь за тем, кого боятся. И ждут. И любят. Одновременно.

Аркадий шёл по бульвару. Мимо памятника Грибоедову. Мимо пруда. Мимо старух с собаками. Он не смотрел на них. Он смотрел прямо. На работу. На свои руки. На мир, который был грязным. И опасным. И полным микробов.

Он не знал, что дома — Рекс. Что Рекс ждёт. Что Рекс простит. Всё простит. Даже то, чего ещё не случилось.

Он не знал. Но чувствовал. Где-то глубоко. Под слоями страха. Под ритуалами. Под виной.

Он чувствовал.

И это было страшнее всего.

ГЛАВА 3. РЕКС

Рекс проснулся от запаха.

Запах был тёплый, знакомый, с привкусом молока и мыла. Тима. Мальчик спал, раскинув руки, и его ладонь лежала на спине Рекса — тяжёлая, тёплая, живая. Рекс не двигался. Он лежал и дышал. Вдыхал запах Тимы. Вдыхал запах дома. Вдыхал запах утра.

Потом запах изменился. Появился другой — резкий, холодный, с металлическим оттенком. Аркадий. Рекс напрягся. Шерсть на загривке поднялась — сама, без команды. Он не хотел. Но тело знало больше, чем он сам. Тело помнило.

Дверь скрипнула. Аркадий вошёл. Рекс поднял голову. Посмотрел. Вильнул хвостом — один раз. Неуверенно. Он хотел дружить. Всегда хотел. Даже когда знал, что не получится.

Аркадий смотрел на него. Молча. Долго. Рекс ждал. Может, сегодня? Может, сегодня он потреплет его по голове? Может, сегодня он улыбнётся?

— Рекс, — сказал Аркадий. Голос был хриплый. — Ко мне.

Рекс посмотрел на Тиму. Мальчик спал. Ему ничего не грозило. Рекс посмотрел на Аркадия. Потом спрыгнул с кровати. Подошёл. Сел. Посмотрел снизу вверх.

Аркадий взял его за ошейник. Мягко. Не дёрнул. Просто

взял. И вывел из комнаты.

В коридоре он остановился. Посмотрел на Рекса. Рекс виновато вильнул хвостом. Прижал уши. Он не понимал, что сделал не так. Он просто спал. С Тимой. С мальчиком, который пахнет молоком и смехом. Разве это плохо?

— Ты не виноват, — сказал Аркадий. Тихо. Так тихо, что Рекс едва слышал.

Он отвёл Рекса в прихожую. На подстилку. Рекс лёг. Положил голову на лапы. Вдохнул. Подстилка пахла пылью и старым деревом. Не Тимой. Не Мариной. Не домом. Просто подстилкой.

Аркадий ушёл. Рекс слышал, как он одевается. Как открывает шкаф. Как берёт портфель. Как говорит с Мариной — коротко, сухо. Как открывает дверь. Как замок щёлкает — два оборота.

И тогда Рекс встал. Подошёл к окну. Прыгнул на подоконник — лапы скользили по крашеному дереву, но он удержался. Посмотрел вниз. Аркадий шёл по улице. Быстро. Не оглядываясь.

Рекс смотрел. Ждал. Может, обернётся? Может, помашет рукой? Может...

Аркадий скрылся за углом. Рекс вздохнул. Спрыгнул с подоконника. Побежал в детскую. Прыгнул на кровать к Тиму. Тот обнял его. Засмеялся — сквозь сон, тепло, знакомо. Кирилл стоял в дверях. Смотрел на них. Потом сказал: — Он вернётся. Вечером.

Рекс поднял голову. Посмотрел на Кирилла. Вильнул хвостом. Кирилл улыбнулся — уголком рта, едва заметно. Но Рекс видел. Рекс всегда видел.

Днём пришла Марина. Рекс услышал её шаги на лестнице — задолго до того, как она открыла дверь. Он знал эти шаги. Быстрые, лёгкие, с едва заметной усталостью. Марина.

Он вскочил. Побежал к двери. Сел. Завилял хвостом. Всем телом — не только хвостом, но и задними лапами, и ушами, и даже носом. Он весь был — ожидание. Весь был — радость.

Дверь открылась. Марина вошла. С сумками. Усталая. Но увидела его — и улыбнулась. По-настоящему. Широко. Тепло.

— Привет, мой хороший, — сказала она. — Соскучился?

Рекс лизнул ей руку. Пахло морозом и яблоками. Она ходила на рынок. Он любил рынок. Там пахло мясом, рыбой, зеленью, людьми. Там было много запахов. Много жизни.

— Пойдём гулять? — спросила Марина.

Гулять. Это слово Рекс знал. Оно было как команда, как праздник, как свобода. Он залаял — один раз, громко. Потом ещё раз. Потом ещё. Марина засмеялась:

— Тише, тише. Соседи.

Но она смеялась. И Рекс знал: можно. Можно лаять. Можно радоваться. Можно быть собой.

Улица встретила его запахами. Мокрые листья. Мокрая земля. Мокрый асфальт. Голуби. Кот — рыжий, наглый, си-

дел на дереве и смотрел свысока. Рекс замер. Напрягся. Кот тоже напрягся. Между ними — два метра воздуха. И вечность.

— Рекс, не надо, — сказала Марина.

Но Рекс уже лаял. Громко. Задорно. Кот шипел. Марина смеялась. Прохожие оглядывались. Кто-то улыбался. Кто-то хмурился. Рекс не замечал. Он был занят. Он лаял на кота. На весь мир. На всё, что было не так. На всё, что было так.

Потом был почтальон. Толстый, с сумкой. Рекс облаял его. Профессионально. С чувством. Почтальон что-то буркнул. Марина извинилась. Рекс вильнул хвостом. Он не понимал, за что извиняться. Он просто выполнял свою работу. Охранял территорию. Защищал стаю.

Потом была соседка. Баба Зина. С авоськой. Рекс облаял и её. Баба Зина засмеялась:

— Ох, Рекс, ох, охранник!

Марина улыбнулась. Рекс вильнул хвостом. Баба Зина погладила его по голове. Пахло луком и валерьянкой. Рекс чихнул. Баба Зина засмеялась снова.

Потом был парк. Марина отпустила поводок. Рекс побежал. Просто так. По кругу. По траве. По листьям. Он бежал, и мир был огромным, и он был частью этого мира. Он был собакой. Он был свободным. Он был счастливым.

Марина стояла и смотрела. Она улыбалась. Рекс видел. Он подбежал к ней. Ткнулся носом в колени. Она погладила его. Долго. Молча.

— Хорошо, — сказала она. — Хорошо, что ты у нас есть.

Рекс не понял слов. Но понял смысл. Он вильнул хвостом.

Сильно. Быстро. Счастливо.

Дома Марина мыла ему лапы. Тёплой водой. С мылом.

Рекс стоял смирно. Он не любил мыться. Но он любил Марину. Поэтому терпел.

Она вытирала его полотенцем — старым, мягким, с запахом стирального порошка. Потом целовала в нос. Рекс фыркал. Марина смеялась.

— Всё, — говорила она. — Чистый пёс.

Рекс не понимал, зачем быть чистым. Он любил запахи. Любил грязь. Любил мир, который пахнет. Но если Марина хотела — он терпел. Ради неё.

Он смотрел, как она убирает полотенце. Как моет руки. Как идёт на кухню. Он следовал за ней. По пятам. Он всегда следовал за ней. Она была — тепло. Она была — безопасность. Она была — дом.

Вечером пришёл Кирилл. Рекс услышал его шаги — быстрые, лёгкие, молодые. Он побежал к двери. Кирилл вошёл. Бросил рюкзак. Присел на корточки. Обнял Рекса.

— Привет, дружище, — сказал он. — Как дела?

Рекс лизнул его в лицо. Кирилл засмеялся. Пахло школой. Мелом. Пластиком. Молодым потом. Рекс любил этот запах. Он был запахом игры. Запахом свободы.

Потом пришёл Тима. Из школы. С криком, с шумом, с радостью. Рекс побежал к нему. Тима обнял его. Повалил на

пол. Они катались. Боролись. Смеялись. Марина кричала из кухни:

— Осторожно! Мебель!

Но они не слушали. Они были — вместе. Они были — стая. Они были — счастливы.

Вечером пришёл Аркадий.

Рекс слышал его шаги — тяжёлые, медленные, усталые. Запах — резкий, холодный, с металлом. Рекс замер. Спрятался под книжный шкаф. В темноту. В убежище. Он знал: сейчас будет игра. Игра, которую он не любил.

Аркадий вошёл. Разделся. Прошёл в комнату. Рекс слышал, как он зовёт:

— Рекс! Ко мне!

Рекс не двигался. Может, не найдёт? Может, забудет?

— Рекс!

Он нашёл. Всегда находил. Заглянул под шкаф. Протянул руку. Рекс выполз. Покорно. Виляя хвостом. Он хотел дружить. Даже сейчас. Даже когда знал, что будет.

Аркадий начал игру. Борьбу. Он хватал Рекса. Сжимал. Тряс. Слишком сильно. Слишком жёстко. Рекс рычал. Не зло. Играя. Но Аркадий не понимал. Он думал, что Рекс злится. И сжимал ещё сильнее.

Рекс скулил. Вырывался. Убегал. Под шкаф. В темноту. В убежище.

Аркадий смеялся. Он думал, что это игра. Он не понимал. Он никогда не понимал.

Рекс лежал под шкафом. Дрожал. Ждал. Когда Аркадий уйдёт. Когда придёт Марина. Когда придёт Кирилл. Когда придёт Тима. Когда придёт кто-то, кто поймёт.

Никто не приходил. Аркадий сидел в комнате. Смотрел телевизор. Рекс лежал под шкафом. Смотрел в темноту. Ждал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.